
Citer ce document / Cite this document :

Krasnykh, Viktoria, Современная научная парадигма – новые науки о человеке говорящем, *Actographe* n° 1, Années 2017, p. 107–140.

URL : http://www.actographe.eu/izd/2017_1_1/2017-1-Krasnykh.pdf

---

Actographe, 2017, n° 1

Revue de sciences humaines, sociales et politiques : Arts, Langues et Frontières

Review of human, social and political sciences: Arts, Languages and Borders

Revue scientifique plurilingue à comité de lecture

Périodique, édition électronique

www.actographe.eu

Rédacteur en chef : David Krasovec.

Comité rédactionnel : Margarita Loyevskaya (Moscou), Elena Pevak (Moscou),

Alexandra Krasovec (Moscou).

A participé à la conception de ce numéro : Natalia Smolianskaïa (Moscou).

Comité scientifique : Annick Morard (Genève), Katja Šmid (Madrid), Jerca

Kramberger Škerl (Ljubljana), Asli Aksoy (Erlangen).

ISSN 2490-9459

© Actographe

Copyright sur l'intégralité des éléments de ce numéro, sauf mention contraire.

REVUE DE SCIENCES HUMAINES, SOCIALES ET POLITIQUES:
ARTS, LANGAGES ET FRONTIÈRES
REVIEW OF HUMAN, SOCIAL AND POLITICAL SCIENCES:
ARTS, LANGUAGES AND BORDERS

CTOGRAPHE, 2017, N° 1

REGARDS SUR LE RÔLE DE L'ART
À L'ÉPOQUE DES CHANGEMENTS
SOCIO-POLITIQUE RADICAUX

LITTÉRATURE RUSSE
ET SACRALITÉ

HOMO LOQUENS

TABLE DES MATIERES

- Avant-propos* 5 DAVID KRASOVEC, NATALIA SMOLIANSKAIA
Regard contemporain sur le rôle de l'art à l'époque
des changements socio-politiques radicaux
- Articles* II HELEN PETROVSKY
Art of the Passing Moment: The Anti-Projective
Nature of Prigov's Utopia
- 29 МАКСИМ КАЗЮЧИЦ [МАКСИМ КАЗИУЧИТС]
Проблема духовного кризиса в документальном
кино США 2000-х: Алекс Гибни
- 45 DAVID KRASOVEC
Les corps sociaux dans les langages politiques et
artistiques : Okwui Enwezor versus Christoph
Büchel à la Biennale de Venise de 2015
- 107 ВИКТОРИЯ КРАСНЫХ [ВИКТОРИА КРАСНЫХ]
Современная научная парадигма – новые науки
о человеке говорящем
- 141 ЕЛЕНА ПЕВАК [ЕЛЕНА РЕВАК]
Сакральная беллетристика: русская литература
в ретроспективе
- Varia* 161 ANASTASIA DANILOCHKINA
Le souffle froid de l'éternité

Современная научная парадигма – новые науки о человеке говорящем

На протяжении целого ряда лет в российской науке отмечается особый интерес к исследованиям интегративного характера, что имеет, с одной стороны, свои внешние и внутренние, объективные и субъективные причины, а с другой – очевидные последствия, важные для современной гуманитарной парадигмы.

Внешние причины связаны с объективным миром, в котором живет человек. С одной стороны, пространство сегодня все больше «сжимается»: мы можем за считанные часы преодолеть расстояние, которое еще относительно недавно преодолевалось за значительно больший срок (дни, а то и недели); мы можем вести разговоры с собеседником, находящимся на другой стороне земного шара; мы можем, не выходя из дома, пользоваться библиотеками, в том числе и других стран, посещать (пусть и виртуально) музеи и под., расположенные за тысячи километров от нас, и т. д. С другой стороны, сегодня все больше и больше ускоряется время. Вспомните, сколько прошло времени с момента создания телефона как средства связи до того, как телефон стал чем-то само собой разумеющимся. Порядка ста лет? А сколько прошло времени с момента появления первых мобильных телефонов до наших дней, когда различные гаджеты стали неотъемлемым атрибутом нашей жизни? Несколько десятилетий? А сколько прошло времени с

момента создания Интернета и опять-таки до наших дней, когда эта «паутина» стала подчас незаменимым помощником в поисках информации, своего рода «инструментом» для самовыражения, а само «хождение по сети» стало для нас привычным делом? Годы? Неслучайно, наверное, поэтому сегодня некоторые ученые говорят о вполне вероятном «схлопывании» пространства и времени. Насколько это реально, не мне судить, и будем надеяться, что все это останется в сфере исключительно теоретических рассуждений.

Говоря о внешних причинах нельзя не упомянуть и все более возрастающую мобильность населения земного шара: человек может жить в одной стране, а работать в другой; мы можем путешествовать по тем местам, которые еще вчера казались нам недостижимыми; мы имеем (по крайней мере на территории Европы) крупный союз 28 государств, границы между которыми в значительной степени «номинальны», что позволяет многим людям беспрепятственно переезжать из страны в страну; и т. д., и т. п. Однако среди внешних причин есть и не столь позитивные. Со многими из них мы сталкиваемся здесь и сейчас, и они (возможно, в силу этого) представляются нам более важными, а порой и просто пугающими.

Сегодня мы имеем дело с изменениями границ между государствами, причем не только с их «размыванием», но и, напротив, с их формированием, связанным, в частности, с образованием новых государств (вспомним, например, ситуации с Косово или Суданом). Глобализация, о которой уже столько лет говорится, имеет, помимо определенных, многократно декларированных и вполне положительных сторон, и свою обратную и достаточно, на мой взгляд, закономерную сторону – усиление этно- и национально-культурных настроений, рост национально-культурного самосознания, нежелание подчиняться «единым» правилам, зачастую противоречащим культурным традициям той или иной страны, и под. Все это подчас сопровождается военными конфликтами, что естественно приводит к потокам беженцев и увеличению миграции. Соответственно, контактов между

представителями разных культур становится все больше, контакты становятся все более тесными и длительными, и вполне ожидаемым следствием происходящих процессов является рост межнациональных, межэтнических, межконфессиональных и проч. конфликтов.

Внутренние причины связаны с развитием самой науки. К числу внутренних и вполне объективных причин следует отнести в первую очередь общую «гуманизацию» научных знаний. Так, начало XXI в. ознаменовалось в науке становлением новой парадигмы исследований (это утверждение уже давно стало трюизмом), ставшей закономерным результатом развития научной и художественной мысли века XX: весь предыдущий период характеризовался повышенным интересом к тем или иным проявлениям человеческого бытия, жизнедеятельности самого человека (см.: развитие философской мысли; становление различных дисциплин в рамках психологической науки; формирование и кристаллизация богатейшего «букета» когнитивных наук; и т. д., и т. п.). И в связи с этим не могу не вспомнить услышанное мною на рубеже XX–XXI вв. высказывание одного из представителей, как принято говорить, фундаментальных наук: XX век был веком *high tech*, а век XXI призван стать веком *high homo*. К величайшему сожалению, я не запомнила имени автора этих слов, но двумя руками голосую за данное положение. Повторю еще раз, что произнесено это было отнюдь не гуманитарием. Гуманитарные же науки по определению всегда занимались именно человеком (не случайно они «гуманитарные»), однако даже для сферы гуманитарного знания оказалось крайне важным во второй половине XX в. и особенно в его конце смещение в научных изысканиях акцента на изучение реального человека в реальных условиях реального бытия и реального общения (вспомним, например, всплеск в 1960–1980-е гг. особого интереса отечественных специалистов к исследованиям разговорной речи, «устно-разговорной разновидности литературного языка» (термин О.А. Лаптевой), естественной / живой / спонтанной коммуникации; см. работы Е.А. Брызгуновой, Е.А. Земской,

О.А. Лаптевой, О.Б. Сиротининой, Н.И. Формановской и др.). Приблизительно в то же время (как минимум, начиная с последней четверти XX в.) ведущие филологи (Н.Д. Арутюнова, Ю.С. Степанов, В.Н. Телия и др.) заговорили о формировании новой научной парадигмы, которая окончательно сложилась к началу нынешнего века и получила название антропоцентрической. Данная парадигма характеризуется двумя основными тенденциями, о которых неоднократно говорила В.Н. Телия: антропобежностью и антропо-стремительностью. И если в первом случае окружающий мир изучается сквозь призму человека, то во втором – человек изучается сквозь призму того, что его окружает. Применительно к лингвистическим изысканиям, соответственно, мы можем говорить не только о «человеке в языке» (см., напр., серию коллективных монографий: [Роль... 1988; Кубрякова и др. 1991; Телия и др. 1991; Человеческий фактор... 1992]), но и о «языке в человеке» (см., напр.: поиск «путей исследования “человека вместе с языком и языка в человеке” – творца и носителя языка как конкретной языковой личности» предопределил и потребовал «выход за пределы изучения языка только как системно-структурного образования» (по Ю.Н. Караулову) [Телия 2005: 4]) (последнюю мысль В.Н. Телия многократно высказывала в личном общении). Представляется возможным в такой постановке вопроса рассмотреть некоторую аллюзию на идею В. фон Гумбольдта, считавшего, что «посредством того же самого акта, в силу которого он [человек] *сплетает* (herausspinnt) язык изнутри себя, он *вплетает* (einspinnt) себя в него» [Гумбольдт 2000] (выделено мною. – В.К.). Итак, в рамках современной научной парадигмы (как минимум, в сфере науки лингвистической) мир рассматривается как сложное образование, в центре которого стоит человек, являющийся по сути «мерилом всего», «мерой всех вещей», что, с одной стороны, восходит к античным временам: по Протагору, «Человек есть мера всех вещей существующих, что они существуют, и не существующих, что они не существуют» / «Человек есть мера

всех вещей – сущих в их бытии и несущих в их небытии» / «Человек есть мера всех вещей в том, что они существуют, и в том, что они не существуют» (принцип человека-меры); а с другой – позволяет, как представляется, говорить о некоем «Возрождении» в мире науки. Таким образом, в фокусе внимания не только естественнонаучного знания, но и гуманитарных наук оказывается, если угодно, «новая реальность», что, с одной стороны, обуславливается, с другой – обуславливает осознание объекта исследований как сложных саморазвивающихся систем.

Не могу не отметить, что обсуждаемые проблемы уже достаточно длительное время занимают умы философов. Так, например, еще в 1989 г. В.С. Степин (см. [Степин 2009]) выдвинул получившую сегодня значительную популярность идею о трех типах рациональности, выстроив на основе детального изучения истории науки и истории философии науки триаду: «классика – неклассика – постнеклассика». Как считает исследователь, «критериями типов рациональности выступают: 1) особенности системной организации исследуемых объектов и типов картины мира; 2) особенности средств и операций деятельности, представленных идеалами и нормами науки; 3) особенности ценностно-целевых ориентаций субъекта деятельности и рефлексии над ними, выраженные в специфике философско-мировоззренческих оснований науки» [Степин 2009]. Так, например, «для освоения объектов, организованных как простые системы, достаточно классической рациональности. Неклассический тип рациональности обеспечивает освоение сложных саморегулирующихся систем, постнеклассический – сложных, саморазвивающихся систем» [Там же]. При этом, по мнению философа, третья рациональность, по определению требующая «холистских и интегральных подходов», – «постнеклассика» – начала формироваться именно в конце XX в. [Указ соч.] (см. также [Степин ЭР]).

Соответственно, сегодня, вероятно, можно (нужно?) говорить о новом этапе в развитии научной мысли (по крайней мере – в

области гуманитарного знания) – этапе **неопостпозитивизма**, самым непосредственным образом соотносящегося с постнеклассикой. Дать сегодня четкую дефиницию данному явлению / понятию едва ли представляется для меня возможным: я скорее чувствую и пытаюсь осмыслить новую научную реальность (опять-таки в сфере в первую очередь гуманитарных наук), нежели могу ее «пуристически» (в лучшем смысле этого слова – четко, ясно, однозначно, кристально...) определить. Взяв, надеюсь, все лучшее от предшественников (от всех позитивистских «этапов» – собственно позитивизма, нео- и постпозитивизма, от постмодернизма и др.), неопостпозитивизм базируется на следующих постулатах:

1) современный объект современных научных исследований (который мы продолжаем строить, как неоднократно говорила в личном общении В.Н. Телия) не может быть «атомарным», т. е. он не может быть оторван от широкого историко-социо-культурного контекста и должен рассматриваться не сам по себе, но только с учетом данного контекста и на его фоне;

2) современные исследования должны носить холистический характер, т. е. должны быть цельными и системными сами по себе, с одной стороны, с другой – должны рассматривать свой объект как единый и цельный (и с точки зрения каждого отдельного предмета исследований, и с точки зрения совокупности таковых), но вместе с тем многокомпонентный, мозаичный и калейдоскопический, хотя и внутренне связанный (т. е. опять-таки единый и цельный);

3) при этом признается как множественность и многоаспектность самого объекта, так и плюралистичность мнений разных исследователей – представителей разных школ и наук, изучающих данный объект с различных точек зрения;

4) изучение современного объекта исследований (учитывая его сложность и многоаспектность) в рамках и с позиции разных наук признается естественным продолжением развития человека (его духовного, интеллектуального, научного развития) и жизненно (для науки и самого человека) необходимым условием его бытия; это

связано с тем, что различные (в том числе – специальные) дисциплины предоставляют разнообразные данные, а само взаимодействие разных дисциплин является важным источником новых знаний и основой обнаружения / построения новых объектов исследования;

5) подобное взаимодействие и интегрирование разных (в том числе – специальных) дисциплин предопределяет дальнейшее развитие науки как таковой [Красных 2017-а].

Исходя из всего сказанного, представляется необходимым (вслед за В.Н. Телия) утверждать, что современная наука (как минимум, гуманитарная), учитывающая сложнейшее взаимодействие и взаимовлияние языка, культуры, сознания, сталкивается с необходимостью построения нового объекта исследований, который характеризуется, с одной стороны, более широким масштабом (обуславливающим расширение границ исследовательских полей и выход за пределы отдельных «узковедомственных» научных изысканий), с другой стороны, значительным уплотнением (обусловленным по определению невозможностью излишней широты и «безразмерности»). Данное положение вещей естественно требует разработки новых подходов сугубо интегративного (интегрального) и холистического (холистского) характера.

Что же это за новый объект научных исследований, о котором мы говорим? Его можно определять по-разному. Не могу и не имею права говорить о всех науках, но в области науки филологической, как минимум – лингвистической, этот объект – человек говорящий / *Homo Loquens* (напомню, что говорилось ранее в данной статье о новой научной парадигме). Как сегодня может рассматриваться этот феномен? Постараюсь его определить, опять-таки не претендуя на «истину в последней инстанции» (хотя, как мне кажется, я приняла не последнее участие в формировании соответствующего понятия – см., напр.: [Красных 1997; 1998]).

Итак, человек говорящий – личность, одним из видов деятельности которой является деятельность речевая. Он есть

объект языка, культуры, лингвокультуры (о феномене лингвокультуры см., напр., [Красных 2013-а]), сообщества, коммуникации, так как он формируется как личность, как носитель сознания, как полноправный член некоторого сообщества именно в коммуникации, впитывая в себя культуру данного сообщества с помощью (в том числе) языка данного сообщества, осваивая, усваивая и присваивая себе его лингвокультуру. Вместе с тем он и *субъект* языка, культуры, лингвокультуры, коммуникации, так как он есть носитель сознания, человек-личность, находящийся в непрерывном процессе коммуникации, «сплетающий внутри себя» (говоря уже приводившимися словами В. фон Гумбольдта [Гумбольдт 2000]) язык, культуру и лингвокультуру и «вплетающий себя» в язык, культуру и лингвокультуру. Исходя из сказанного, можно утверждать, что многомерность бытия человека (кстати, не только XXI в.) и многомирие (см., напр.: [Гапченко ЭР; Буссо, Полчинский ЭР]) с позиций гуманитарных наук могут быть описаны в терминах неразрывного, но и неслиянного единства «ЧЕЛОВЕК – СОЗНАНИЕ – ЯЗЫК – КУЛЬТУРА – ЛИНГВОКУЛЬТУРА – КОММУНИКАЦИЯ – СООБЩЕСТВО».

Какие же науки занимаются сегодня (в той или иной степени) спектром обозначенных феноменов и «кустом» связанных с ними проблем? (В скобках замечу, что некоторые из них представлены в выходящей в свет коллективной монографии «(Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология» [(Нео)психолингвистика... 2017].) И как с позиций данных научных дисциплин может рассматриваться изначальный / традиционный / «классический» объект лингвистических исследований – язык? (Об этом см. также [Красных 2013-б; 2015]).

Последнее особенно важно, поскольку совершенно очевидно, что начальной точкой для филолога было и остается *слово* (вспомним Л. Ельмслева, писавшего, что именно текст получает лингвист в качестве отправного материала исследований), и *слово* же оказывается и финальной точкой в исследовании, ибо *слово / язык*

есть для филолога своеобразное «мерило всего»: от него мы отталкиваемся в изучении других объектов и предметов и к нему же приходим, проверяя адекватность своих выводов. Иначе говоря, сегодня филология естественным образом выходит на особое поле исследований, где в фокусе внимания оказываются феномены не собственно языковой (в том числе, а возможно, и в первую очередь лингвокогнитивной) природы, в которых неразрывно спаяны *слово* (в самом широком смысле) и воплощенное в нем *знание* (в философском, историко-культурологическом понимании; см., напр., у Я. Ассмана [Ассман 2004]) (см. подробнее [Красных 2013-а; 2014]). Думаю, нет необходимости говорить, что это поле, относительно новое для широкого круга филологов, изначально разрабатывалось и «возделывалось» отечественной психолингвистикой, с рассмотрения которой мы и начнем краткий обзор некоторых современных научных дисциплин, характеризующихся интегративным характером (интегральностью) и холистичностью.

1. Психолингвистика (ПЛ)

В рамках ПЛ **язык** рассматривается как **сущность, опосредующая процессы познания и осмысления, в которой явлено (языковое) сознание как таковое.**

При таком подходе язык является связующим звеном между индивидом / личностью и социумом / сообществом (о чем писал еще В. фон Гумбольдт). Он предстает как канал двунаправленной трансляции знаний: от общественного сознания – индивидуальному (напр., при межпоколенной трансляции культуры в процессе социализации) и от индивидуального – общественному или другому индивидуальному. Помимо этого, он выполняет функцию инструмента, с одной стороны, социализации (становления личности), происходящей в процессе общения в рамках определенного сообщества в условиях определенной культуры, с другой – реализации личности в совместной деятельности с другими (будучи

используемым для овнешнения индивидуальных образов сознания, для «одевания» бессловесной мысли, формируемой говорящим в начале высказывания, в слово при производстве речи» [Тарасов 2004: 35]). Данные представления, являясь изначально собственно психолингвистическими, характерны также и для дисциплин, из ПЛ выросших, – этнопсихолингвистики и неопсихолингвистики (см. далее).

Данный подход своими корнями уходит в труды психологов и психолингвистов (Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева, Н.И. Жинкина, А.Р. Лурия, А.А. Леонтьева, И.Н. Горелова, Ю.А. Сорокина, Е.Ф. Тарасова, Н.В. Уфимцевой и др.). Напомню, что для Л.С. Выготского и вслед за ним для А.Н. Леонтьева сознание имеет языковую, речевую природу: «Иметь сознание – владеть языком. Владеть языком – владеть значениями. Значение есть единица сознания (имеется в виду языковое, вербальное значение). Сознание при этом понимании является знаковым» [Леонтьев 1994: 16]. Ср. с утверждением Поля Рикера: «...язык является по существу системой значений; он не может не означать что-либо, и все его существование заключается в значении» [Рикер 1995: 51], а также с идеей Г. Гийома о том, что «язык овеществляет ментальное» [Гийом 1992: 71]). Вслед за Л.С. Выготским и А.Н. Леонтьевым А.А. Леонтьев также утверждал, что сознание человека является по сути своей *языковым* (см., напр., [Леонтьев 1993]); при этом, как пишет И.А. Зимняя, «языковое сознание – это форма существования индивидуального, когнитивного сознания человека разумного, человека говорящего, человека общающегося, человека как социального существа, как личности» [Зимняя 1993: 51]. Сегодня многие психолингвисты, опираясь на труды Е.Ф. Тарасова, определяют языковое сознание как «совокупность образов сознания, формируемых и овнешняемых при помощи языковых средств» (см., напр., [Тарасов 1993, 2004: 41]).

В связи с этим следует привести утверждение А.А. Леонтьева: если язык понимается как единство общения и обобщения, как

система значений, выступающих как в предметной, так и в вербальной форме существования, то языковое сознание, т. е. сознание, рассматриваемое как опосредованное значениями (см., напр., [Леонтьев 1993]), оказывается близким к пониманию образа мира в современной российской психологии – понятию, предложенному и разработанному А.Н. Леонтьевым (см., напр., [Леонтьев 1983]). При этом важно, что для А.Н. Леонтьева образ мира как универсальная форма организации знаний индивида есть интегративное отражение в сознании окружающей действительности, важнейшими свойствами которого являются амодальность и многомерность, субъективность и объективность. Последняя обуславливается, в частности, тем, что познание человеком действительности опосредовано единой для всех представителей сообщества, усваиваемой в процессе социализации системой значений. См.: «Ведь в отличие от бытия общества, бытие индивида не является “самоговорящим”, т. е. индивид не имеет собственного языка, вырабатываемых им самим значений; осознание им явлений действительности может происходить только посредством усваиваемых им извне “готовых” значений – знаний, понятий, взглядов, которые он получает в общении, в тех или иных формах индивидуальной и массовой коммуникации. Это и создает возможность внесения в его сознание, навязывания ему искаженных или фантастических представлений и идей, в том числе таких, которые не имеют никакой почвы в его реальном, практическом жизненном опыте» [Леонтьев 1975]. Отмечу, что данные идеи А.Н. Леонтьева во многом предопределили формирование отдельной научной дисциплины – этнопсихолингвистики.

2. Этнопсихолингвистика (ЭПЛ)

В рамках ЭПЛ **язык**, будучи (в том числе) хранилищем значений (напомню, что с точки зрения психологии, ПЛ, ЭПЛ значение – достояние коллективное), рассматривается как **сущность, опосре-**

дующая процессы познания и осмысления, в которой явлено (языковое) сознание личности как представителя определенного сообщества, определенной культуры.

ЭПЛ изучает в первую очередь культурно-маркированные, культурозависимые и культурно обусловленные черты языковых сознаний, как правило, путем выявления, изучения, описания ядер таковых (см., напр.: [Уфимцева 2009-а; 2009-б; 2009-в; 2013; 1996; 1998; 2000; 2011; 2017]), а также «этнопсихолингвистическую детерминированность», как писал А.А. Леонтьев [Леонтьев 1997], не только языкового сознания, но и речевой деятельности и коммуникации. По мнению Н.В. Уфимцевой, «центральной проблемой» ЭПЛ в соответствии с «новой методологической базой для этнопсихолингвистических исследований», которая начала формироваться в Московской психолингвистической школе с начала 1990-х гг., является «исследование этнокультурной специфики языкового сознания», и сама ЭПЛ фокусируется на изучении образа мира и его изменениях «от одной культуры к другой» [Уфимцева 2000]. При этом объектом ЭПЛ может быть признан «образ мира как основополагающая компонента культуры», предметом – «сознание носителей той или иной этнической культуры, которое в силу своей недоступности прямому изучению может изучаться только через различные формы своего овнешнения», например, через языковое сознание, являющееся одной из таких форм и представляющее как «опосредованный языком образ мира той или иной культуры» [Уфимцева 2000].

3. Неопсихолингвистика (НПЛ)

В рамках НПЛ язык рассматривается как сущность, опосредующая индивидуальные процессы познания и осмысления, в которой явлено (языковое) сознание отдельной личности.

Как пишет И.А. Бубнова, НПЛ, или психолингвистика личности, «как область психолингвистики, направленная на исследование

индивидуального образа мира с позиций взаимодействия, с одной стороны, живых, функционирующих культурных систем, а с другой – систем социальных, с учетом того факта, что и те, и другие преломляются через индивидуальность их каждого отдельного представителя, является, по нашему мнению, весьма перспективным направлением, так как развиваемый подход выводит нас на решение комплексной проблемы содержания *образа мира личности*, эксплицированного в *языковом сознании* человека как биологического существа, одновременно члена многочисленных социальных групп и определенного лингвокультурного сообщества» [Бубнова 2017: III] (выделено в тексте оригинала. – В.К.). Эта научная дисциплина «изначально фокусируется на человеке как представителе этноса и различных социальных групп, с одной стороны, и индивидуальности как производной от субъективно-личностного способа осмысления действительности и выработанной в ходе данного процесса системы ценностей – с другой. В центре ее интересов, соответственно, оказывается образ мира отдельной личности, формирующийся в процессе различных видов деятельности человека в обществе и его рефлексии над своим бытием. Если же определять стоящие перед исследователями конкретные задачи, то в качестве основной можно назвать выявление отраженного в сознании человека реального мира как результата когнитивной обработки полученных им из внешнего окружения данных» [Бубнова 2017: III]. И очень важно отметить то, что неопсихолингвистика способна «приблизиться к решению главной проблемы неклассической и постнеклассической науки – проблемы понимания в самом широком смысле этого слова: понимания человеком самого себя, другого человека, другого народа и окружающего его мира» [Бубнова 2017: III] (см. также [Бубнова, Красных 2014; Бубнова 2016]).

4. Лингвокультурология (ЛК)

В рамках ЛК язык рассматривается (в первую очередь) как **система тел знаков для знаков языка культуры**.

С точки зрения ЛК язык не может являться ни «звеном», ни «каналом», поскольку в данном случае речь идет о двух (а не о трех и более) одинаково значимых для личности феноменах: о языке как таковом и о культуре как таковой (см.: В.Н. Телия определяла лингвокультурологию как «науку о живодействующей связи языка и культуры»). При этом язык выполняет функцию (воспользуясь выражением Е.Ф. Тарасова) «овнешнителя» смыслов, (по В.Н. Телия) «значимых для культуры».

Данная самостоятельная научная дисциплина, как уже неоднократно писалось и говорилось вслед за В.Н. Телия, изучает «прежде всего живые коммуникативные процессы и связь используемых в них языковых выражений с синхронно действующим менталитетом народа» [Телия 1996: 218]. Она «ориентирована на изучение корреспонденции языка и культуры в их синхронном взаимодействии. <...> Ее цель – то, что можно назвать обыденной картиной мира, представленной в повседневной речи носителей языка и имеющей “фундамент” и корреляции в различных дискурсах (литературном, философском, религиозном, фольклорном и т. д.) и в разных (при этом не только в вербальном) текстах культуры» [Опарина ЭР].

В.Н. Телия, к трудам которой в первую очередь восходит ЛК, начала задумываться над проблемами, которые мы сегодня назвали бы лингвокультурологическими, еще в 1980-е гг. (см., например, [Телия 1986, 1987, 1988-а, 1988-б]), а в 1990-е опубликовала важнейшие для кристаллизации лингвокультурологии работы (см., например, [Телия 1995; 1999-а; 1999-б] и фундаментальный труд, являющийся, на мой взгляд, своеобразным манифестом этой науки [Телия 1996]). Многие идеи В.Н. Телия, изложенные в указанных работах, а также в [Телия 2002; 2005; 2006] разрабатываются сегодня

представителями ее научной лингвокультурологической школы и развиваются в отдельные научные направления (речь идет, напр., о когнитивной лингвокультурологии, психолингвокультурологии – см. далее).

В основе указанного понимания роли и функции языка лежит утверждение наличия двух самостоятельных семиотических систем: естественного человеческого языка и культуры, – каждая из которых обладает своим собственным «языком» (кодом, системой знаков, обладающих смыслом). При этом знаками языка культуры (по В.Н. Телия) могут быть признаны ритуалы, концепты, стереотипы и под. Знаки языка культуры могут иметь разное воплощение: в действиях, артефактах и под. (ср. с идеями Е.Ф. Тарасова, высказываемыми, напр., в [Тарасов 2004]). Но чаще всего они оязыковываются, т. е. воплощаются в знаках именно языка. Следовательно, в рамках лингвокультурологии знаки языка рассматриваются с точки зрения тех культуруносных смыслов, которые они (языковые единицы) несут в дополнение к своим лексическим значениям. Иначе говоря, знаки языка рассматриваются как тела знаков языка культуры (по В.Н. Телия; см., напр., [Телия 2006]).

5. Теолингвокультурология (ТЛК)

В рамках ТЛК **язык** также понимается как **система тел знаков для знаков языка культуры**, при этом **и язык, и культура** (как и в ЛК) не являются автономными, «самодостаточными величинами», но **рассматриваются в «максимально широком контексте взаимосвязи Бога, мира и человека»** [Постовалова 2016-а].

Основоположником данного направления является В.И. Постовалова, на протяжении многих лет исследующая «интегрирование теологического знания в мировоззрение и культуру», которое «находит свое выражение и в науке о языке» [Постовалова 2012] (см. также, напр., [Постовалова 1995; 2016-б]).

Еще в конце XX в. В.И. Постовалова отмечала, что «обращение к теме человеческого фактора в языке свидетельствует о переходе от лингвистики “имманентной” с ее установкой рассматривать язык “сам в себе и для себя” к лингвистике антропологической, предполагающей изучать язык в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением, духовно практической деятельностью» [Постовалова 1988: 8]. При этом она неоднократно подчеркивала, что «характерную черту познания нашего времени составляет установка» [Постовалова 2012] и «ориентация на переход от позитивного знания к глубинному на путях целостного синтетического постижения языка как антропоцентрического феномена» [Постовалова 1999: 25]. Реализация указанной тенденции проявляется, по мнению исследователя, в «создании комплексных (синтетических) дисциплин по изучению языка в тесной связи с фундаментальными сторонами человеческого бытия – сознанием, культурой и духовной жизнью человека, рассматриваемыми в их лингвистическом преломлении» [Постовалова 2012].

В данную парадигму прекрасно вписываются и теолингвистика, и теолингвокультурология как современные науки интегративного (синтетического) характера, рассматривающие «живодействующую взаимосвязь» (по В.Н. Телия) указанных феноменов сквозь призму *homo religious*.

И если теолингвистика как «новая синтетическая теолого-лингвистическая дисциплина», возникшая «на стыке теологии (богословия), религиозной антропологии и лингвистики» и «направленная на изучение взаимосвязи и взаимодействия (интеракции) языка и религии» [Постовалова 2012], имеет уже некоторую историю (см., например, фундаментальную статью В.И. Постоваловой об этой науке [Постовалова 2012]), то ТЛК – наука абсолютно новая, рождающаяся, если угодно, на наших глазах. И, несмотря на это, уже сегодня, по мнению исследователя, можно говорить о некоторой «структуре» (системе?), образуемой лингвокультурологическими дисциплинами: с одной стороны, в

рамках лингвокультурологии выделяется конфессиональная ТЛК, в состав которой входит ТЛК православно-христианская, с другой – общая лингвокультурология может включать в себя ТЛК как самостоятельную научную дисциплину [Постовалова 2016-а]. При этом В.И. Постовалова особо подчеркивает, что «при любом варианте реализации антропологической парадигмы в лингвокультурологии *остаётся в силе основной методологический постулат*, согласно которому все важнейшие феномены из мира существования языка и культуры должны рассматриваться не автономно как самодостаточные величины, но в антропологической перспективе, в контексте человека и его жизненного мира. А в случае теолингвокультурологии – в трансцендентной перспективе, в максимально широком контексте взаимосвязи Бога, мира и человека» [Постовалова 2016-а] (выделено мною. – В.К.).

6. Когнитивная лингвокультурология (КЛК)

В рамках КЛК **язык** также рассматривается как **система тел знаков для знаков языка культуры**, но с **учетом и сквозь призму лингвокреативности, перцепции** и под.

Данное направление, также уходящее корнями в научное наследие В.Н. Телия и активно формируемое сегодня И.В. Зыковой, имеет в фокусе внимания когнитивные механизмы лингвокреативности и макрометафорические концептуальные модели, выявляемые и разрабатываемые в первую очередь на фразеологическом материале английского и русского языков (см., напр., [Зыкова 2016]). Как пишет сам автор, «в рамках изучения *фразеологической креативности* именно *макрометафорическая концептуальная модель* становится основным фокусом исследования» [Зыкова 2016: 142] (разбивка оригинала. – В.К.).

Фразеологический образ в рамках разрабатываемого И.В. Зыковой подхода рассматривается как вместилище культурных смыслов / культурной информации. При этом выявляются основные формы

(или модусы) переживания (эмоционально-чувственное, душевное, эстетическое) и осмысления мира (архетипическое, мифологическое, религиозное, философское, научное), что позволяет реконструировать исторические смысловые / информационные слои фразеологического образа (см., напр., [Зыкова 2013]).

Не менее (а может быть, и более) важным для рассматриваемого направления является понятие *концептосферы культуры*, которое, исходя из идеи В.Н. Телия о необходимости сформировать некое «холистическое» понятие, объединяющее язык, культуру и человека, И.В. Зыкова рассматривает как «базисное понятие» (когнитивной) лингвокультурологии [Зыкова 2015-а: 20]. Напомню, что В.Н. Телия рассматривала *концептосферу культуры* как «особый, отличный от естественного языка семиотический симбиоз, который складывается из нескольких ее предметных областей – культуры материальной – всей совокупности артефактов, несущих наряду с функционально-“вещным” их бытием надличностный культурный смысл; из плодов социального и духовного самосознания человека как личности в микро- и макрокосмосе, которые сформировались на основе “коллективных представлений” (по Л. Леви-Брюлю)» [Телия, Дорошенко 2008: 210]. Творчески развивая идеи В.Н. Телия, углубляя и уточняя это понятие, И.В. Зыкова определяет данный феномен как «сложнейшее системное образование, создаваемое из ценностной информации, которая вырабатывается в результате познания неким сообществом (как коллективом личностей) действительности, т. е. в результате определенных форм переживания и осмысления этим сообществом в целом и каждым отдельным его представителем мира во всем его многообразии, и которая получает при этом определенную концептуальную оформленность (упорядоченность) и воплощение в невербальных знаках самой разной природы, составляющих различные и взаимосвязанные семиотические области культуры» [Зыкова 2015-а: 21] (см. также [Зыкова 2014, 2015-б]). При этом, «признавая существование одной

базовой концептосферы – концептосферы культуры», исследователь утверждает, что «ее бытование, развитие и функционирование немислимо без ее главного актора – *творящей (созидающей) личности* и главного “хранилища” ее ценностного содержания – *естественного языка*» [Зыкова 2015-а: 21] (выделено в оригинальном тексте. – В.К.). И здесь мы опять подходим к феномену лингвокреативности, точнее – фразеокреативности, в терминах И.В. Зыковой, изучение которой видится одной из главных задач когнитивной лингвокультурологии. Еще одной важнейшей проблемой данного направления является и изучение перцепции в сфере фразеологии [Зыкова 2017].

7. Психолингвокультурология (ПЛК)

В рамках ПЛК **язык** рассматривается как **означающее (семантики) лингвокультуры**. Это **язык культуры** того сообщества (сообществ), членом которого (которых) является человек; это 1) **означающее сознания / языкового сознания / образа (образов) мира, культуры и лингвокультуры**; 2) (основной, но не единственный) **инструмент**: а) **социализации личности и формирования** человека говорящего, б) **формирования** сознания / языкового сознания / образа (образов) мира; 3) (основной, но не единственный) **инструмент и канал трансляции культуры** (как «вертикальной», межпоколенной, так и «горизонтальной», между современниками и представителями разных культур); 4) основной **инструмент формирования** и основной **канал** (в первую очередь «вертикальной») **трансляции лингвокультуры**.

При таком подходе язык – это связующее звено между личностью как носителем сознания и культурой как объектом распределечивания индивидом. По сути, это канал выхода на поле культуры через пространство лингвокультуры. Язык выполняет функцию инструмента означивания / овнешнения культураносных смыслов, значимых как для культуры в целом, так и для отдельной

личности, ибо благодаря языку они (смыслы) явлены индивидуальному сознанию в виде конкретных образов. Кроме того, это и инструмент познания и осмысления окружающего мира сквозь призму определенной культуры, являющейся родной для конкретного индивида.

ПЛК – это новое, складывающееся в наши дни направление научных исследований, посвященное изучению «живодействующей связи» (по В.Н. Телия) языка, культуры, сознания сквозь призму человека говорящего (впервые об этом, тогда еще потенциально возможном и необходимом, направлении было сказано в 2002 г. [Красных 2002]; подробнее см. [Красных 2016-б]). Это направление сформировалось благодаря интеграции в первую очередь лингвокультурологических и (этно)психолингвистических исследований. Объектом данного научного направления является лингвокультура, базовой категорией которой является именно человек говорящий (вспомним идею В.Н. Телия, что базовой категорией культуры как таковой является человек-личность), предметом ПЛК можно признать грамматику и словарь лингвокультуры [Красных 2011, 2013-а].

Истоки этого направления также можно обнаружить в идеях В.Н. Телия, которая в течение многих десятилетий находилась в поиске, стремясь нащупать, выявить, описать конкретные связи языка, культуры и сознания, что нашло свое отражение в том числе в защищенной под ее руководством кандидатской диссертации С.В. Кабаковой «Образное основание идиом: психолингвокультурологические аспекты» [Кабакова 1999]. Это было очередным провидением В.Н. Телия: ПЛК не было еще и «в проекте», а она уже думала над тем, что такой поворот будет необходим и актуален. Конечно, в указанной диссертации речь шла о несколько иных проблемам, нежели те, которыми занимается сегодня ПЛК: в фокусе было «образное основание идиом, или образ, лежащий в основе мотивации внутренней формы идиомы», которое рассматривалось в трех аспектах: психологическом («с точки зрения его

восприятия носителями языка»), лингвистическом («как один из аспектов значения фразеологизма, образующий его внутреннюю форму»), культурологическом («как содержание, соотносимое с “языком” культуры, а именно с эталонами, стереотипами, символами, мифологемами и проч.») [Кабакова 1999]. Как представляется, данная диссертация представляла своего рода попытку подойти и изучению идиом с позиций в том числе психологии (чему немало способствовало базовое образование С.В. Кабаковой) и являлась, по мнению самого автора, «продолжением темы исследований, связанных с когнитивным анализом значений фразеологизмов с учетом данных, полученных в психосемантике, психолингвистике и лингвистике»; при этом описывались не только «различные типы информации, которую содержат в себе эти единицы языка» (идиомы), но и «способы ее осознания – “извлечения” и “обработки” – “рядовым” носителем языка» [Кабакова 1999].

В фокусе внимания ПЛК, начавшей формироваться в начале этого века, находятся, однако, несколько иные проблемы: она изучает не различные аспекты определенных языковых единиц, но единое, сложное, многомерное пространство лингвокультуры, обладающей своими собственными единицами (словарем) и законами (грамматикой). Единицы лингвокультуры не являются собственно единицами языка. И хотя в пространстве лингвокультуры они выступают в вербализованном виде, такого рода единицы обладают лингво-когнитивной (например, концепты – в понимании в первую очередь Н.Д. Арутюновой и Л.О. Чернейко, прецедентные имена и под.) и даже собственно когнитивной природой (например, некоторые прецедентные ситуации или элементы системы знаний: таблица умножения, химические, математические, физические формулы и под.).

Следует сказать, что термин «лингвокультура» появился в научной литературе в самом конце XX в., но в широкий научный обиход вошел все-таки в начале XXI в. Вероятно, его автором можно признать Т.Н. Снитко, определившую лингвокультуру «как

особый тип взаимосвязи языка и культуры, проявляющийся как в сфере языка, так и в сфере культуры и подлежащий выявлению в сопоставлении с другим типом взаимосвязи языка и культуры, то есть в сравнении с другой лингвокультурой» [Снитко 1999]. Однако представленное в указанной работе понятие лингвокультуры со всей очевидностью отличается от сегодняшнего ее понимания, особенно если рассматривать ее в рамках ПЛК. И еще одна маленькая ремарка, касающаяся истории данного базового понятия ПЛК – лингвокультуры. Мне представляется, что это понятие также «нащупывалось» В.Н. Телия еще в 1980-е гг., когда она рассматривала языковую картину мира как продукт речемыслительной / мыслительно-языковой деятельности, для которого характерны антропоцентричность и антропометричность [Телия 1988-б].

С точки зрения ПЛК лингвокультура равноположна образу мира и языковому сознанию, но не тождественна им: если языковое сознание включает в себя опосредованный значениями (индивидуальный) образ мира во всем его объеме, то лингвокультура – только общие компоненты образа мира, т. е. то, что формирует «объективную составляющую» такового, а это, как известно, всегда культурно маркировано и культурозависимо, поскольку обуславливается единой системой значений и предопределяется окружением, в котором «складывается» образ мира как таковой, а именно – культурой. Следовательно, лингвокультура может мыслиться и как основная среда, в которой человек формируется и проявляет себя как личность – человек говорящий.

Лингвокультура формируется на участке пересечения / наложения культуры и естественного языка человека – двух изначально существующих самостоятельных семиотических систем, каждая из которых обладает своим собственным «языком», и она предстает как культура воплощенная и закрепленная в знаках языка, явленная нам в языке и через язык. В рамках ПЛК лингвокультура рассматривается как третья семиотическая система, которая формируется определенными подсистемами, и сегодня предста-

вляется возможным говорить о четырех подсистемах: когнитивной, метафорической, эталонной и символической (см., напр., [Красных 2011; 2017-б]); первые подступы к этому – см. [Красных 2005]).

Лингвокультура является лингво-когнитивным феноменом (в этом ее принципиальное отличие от языковой картины мира, выступающей как сложно устроенное семантическое пространство, т. е. как феномен лингвистический). Лингвокультура (в отличие от языковой картины мира) формируется не знаками языка, за которыми стоят некоторые смыслы, но образами сознания, облеченными в языковые знаки. «Семантика» лингвокультуры – это культуросемантические смыслы, овнешненные в знаках языка. Соответственно, в фокусе рассмотрения находятся не знаки языка, овнешняющие образы, но образы, овнешняемые в знаках языка. Таким образом, в данном случае знаки языка рассматриваются (как и в рамках собственно лингвокультурологии) как тела знаков языка культуры. Исходя из этого, представляется возможным утверждать, что в сфере лингвокультуры язык выступает в роли означающего, а в роли означаемого выступают культуросемантические смыслы, культурно-маркированные образы сознания, культура как таковая (понимаемая по В.Н. Телия как мироощущение, миропонимание и мировосприятие сообщества) (подробнее см., напр., [Красных 2012]).

Таким образом, ПЛК фокусирует свое внимание в первую очередь на изучении «ряда новых объектов, среди которых следует назвать лингвокультуру и человека говорящего (*Homo Loquens*) во всей совокупности его проявлений и с учетом основных факторов, которые влияют на его становление и коммуникативные проявления и которые находятся в фокусе внимания многих современных наук» [Красных, Бубнова 2015: 170; Красных 2016-а; 2017-б].

В заключение подчеркнем, что в данной статье были представлены далеко не все актуальные для современной отечественной науки исследования и направления, активно развивающиеся и весьма эффективно изучающие различные аспекты языка, культуры, лингво-

культуры, языкового сознания, образа мира, коммуникации и под. и носящие интегративный (интегральный) и холистический характер. В наш краткий обзор были включены только те из них, которые появились в последнее время и все более ярко заявляют о себе в наши дни.

Литература

- Ассман 2004 – *Ассман Я.* Культурная память: Письмо и память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с. (Studia historica)
- Бубнова 2017 – *Бубнова И.А.* Неопсихоллингвистика, или психоллингвистика личности: новое направление психоллингвистических исследований // (Нео)психоллингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем / Под ред. В.В. Красных. М.: Гнозис, 2017. С. 97–179.
- Бубнова 2016 – *Бубнова И.А.* Язык и специфика национального миропонимания в России XXI века: современные тенденции исследования // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 53. М.: МАКС Пресс, 2016. С. 48–55.
- Бубнова 2014 – *Бубнова И.А., Красных В.В.* Нео-психоллингвистика: аргументы в защиту национально-культурного своеобразия // Вопросы психоллингвистики. 2014. № 3 (21). С. 128–136.
- Буссо, Полчинский ЭР – *Буссо Р., Полчинский Й.* Ландшафт теории струн. www.modcos.com/articles.php?id=137 (дата обращения: 28.03.2015).
- Гапченко ЭР – *Гапченко С.* О множественности миров. www.everettica.org/art/api.pdf (дата обращения: 28.03.2015).
- Гийом 1992 – *Гийом Г.* Принципы теоретической лингвистики / Общ. ред., послесл. и коммент. Л.М. Скрелиной. М.: Прогресс, 1992. 224 с.
- Гумбольдт 2000 – *Гумбольдт В. фон.* Природа и свойства языка

- вообще // Избранные труды по языкознанию / Общ. ред. Г.В. Рамишвили; Послесл. А.В. Гулыги и В.А. Звегинцева. М., 2000 (lib.rus.ec/b/325096/read).
- Зимняя 1993 – *Зимняя И.А.* Способ формирования и формулирования мысли как реальность языкового сознания // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М.: Институт языкознания, 1993. С. 51–58.
- Зыкова 2017 – *Зыкова И.В.* Перцепция и фразеологический знак в свете (психо)лингвокультурологического подхода // (Нео)психоллингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем / Под ред. В.В. Красных. М.: Гнозис, 2017. С. 262–342.
- Зыкова 2016 – *Зыкова И.В.* Лингвокреативность с позиции лингвокультурологии: теория, метод, анализ // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 53. М.: МАКС Пресс, 2016. С. 136–151.
- Зыкова 2015-а – *Зыкова И.В.* «Концептосфера культуры» как базисная единица метаязыка лингвокультурологии // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015-а. № 2 (043). С. 13–24.
- Зыкова 2015-б – *Зыкова И.В.* Концептосфера культуры и фразеология: Теория и методы лингвокультурологического изучения. М.: Ленанд, 2015-б. 380 с.
- Зыкова 2014 – *Зыкова И.В.* Роль концептосферы культуры в формировании фразеологизмов как культурно-языковых знаков: Дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2014. 510 с.
- Зыкова 2013 – *Зыкова И.В.* Фразеологический знак: к вопросу об объеме его культурной памяти // Мир русского слова. 2013. № 1. С. 43–49.
- Кабаков 1999 – *Кабакова С.В.* Образное основание идиом: Психолингвокультурологические аспекты. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1999. 120 с. (www.dissercat.com/content/obraznoe-osnovanie-idiom-psikholingvokulturologicheskie-aspekty#ixzz42S3qo1jw (дата обращения: 09.03.2016)).
- Красных 2017-а – *Красных В.В.* Новые науки о человеке говорящем:

- ответ на вызов нашего времени. Вступительная статья // (Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем / Под ред. В.В. Красных. М.: Гнозис, 2017-а. С. 6–18.
- Красных 2017-б – *Красных В.В.* Психолингвокультурология как наука о человеке говорящем сквозь призму лингвокультуры // (Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем / Под ред. В.В. Красных. М.: Гнозис, 2017-б. С. 183–261.
- Красных 2016-а – *Красных В.В.* Лингвокультурология в ряду новых наук о человеке говорящем: сегодня и завтра // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 53. М.: МАКС Пресс, 2016-а. С. 181–193.
- Красных 2016-б – *Красных В.В.* Словарь и грамматика лингвокультуры. Основы психолингвокультурологии. М.: Гнозис, 2016-б.
- Красных 2015 – *Красных В.В.* Роль и функции языка как объект современных интегративных исследований (психолингвистический, лингвокультурологический, психолингвокультурологический и комплексный общегуманитарный подходы) // Вопросы психолингвистики. 2015. № 2. С. 90–97.
- Красных, Бубнова 2015 – *Красных В.В., Бубнова И.А.* Некоторые базовые понятия и основные категории психолингвокультурологии // Вопросы психолингвистики. 2015. № 3 (25). С. 168–174.
- Красных 2014 – *Красных В.В.* «Смешались в кучу...» или ответ на «вызов нашего времени»? (к вопросу об интегративности филологических исследований) // Динамика языковых и культурных процессов. Материалы IV Конгресса РОПРЯЛ, проходящего в рамках I педагогического форума «Русский язык в современной школе» (Сочи, 1–2 ноября 2014 года). Т. 2. СПб.: Изд. дом «МИРС», 2014. С. 52–58.
- Красных 2013-а – *Красных В.В.* Лингвокультура как объект когнитивных исследований // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2013-а. № 2. С. 7–18.
- Красных 2013-б – *Красных В.В.* Роль языка в свете интегративных

- исследований // Человек и язык в коммуникативном пространстве. Т. 4. Красноярск: Изд-во Сибирского федерального ун-та, 2013-б. С. 46–50.
- Красных 2011 – *Красных В.В.* Словарь и грамматика лингвокультуры как предмет современных интегративных исследований // Русский язык, литература, культура в школе и вузе. Киев, 2011. № 5. С. 2–8.
- Красных 2005 – *Красных В.В.* Культурное пространство: система координат (к вопросу о когнитивной науке) // *Respectus philologicus*. 2005. № 7 (12). С. 10–24.
- Красных 2002 – *Красных В.В.* Этнопсихолингвистика и лингвокультурология как конститuentы новой научной парадигмы // Сфера языка и прагматика речевого общения. Международ. сб. науч. трудов. К 65-летию фак-та РГФ Кубанского гос. университета. Кн. 1. Краснодар, 2002. С. 204–214.
- Красных 1998 – *Красных В.В.* Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). М.: Диалог-МГУ, 1998.
- Красных 1997 – *Красных В.В.* Человек умелый. Человек разумный. Человек... «говорящий»? (некоторые размышления о языковой личности и не только о ней) // Функциональные исследования. 1997. № 4. С. 50–56.
- Кубрякова, Шахнарович, Сахарный 1991 – *Кубрякова Е.С., Шахнарович А.М., Сахарный Л.В.* Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи М.: Наука, 1991. 240 с.
- Леонтьев 1997 – *Леонтьев А.А.* Основы психолингвистики: Учебник. М.: Смысл, 1997. 287 с.
- Леонтьев 1993 – *Леонтьев А.А.* Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М.: Институт языкознания, 1993. С. 16–21.
- Леонтьев 1994 – *Леонтьев А.Н.* Философия психологии / Под ред. А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. 228 с.

- Леонтьев 1983 – *Леонтьев А.Н.* Образ мира // Избранные психологические произведения. М.: Педагогика, 1983. С. 251–261 (www.infoliolib.info/psih/leontyev/obrazmira.html).
- Леонтьев 1975 – *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975 (www.klex.ru/v4).
- (Нео)психолингвистика... 2017 – (Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем / Под ред. В.В. Красных. М.: Гнозис, 2017. 390 с.
- Опарина ЭР – *Опарина Е.О.* Лингвокультурология: методологические основания и базовые понятия // Язык и культура. www.classes.ru/grammar/140.Oparina/source/worddocuments/_3.htm (дата обращения: 07.07.2016).
- Постовалова 2016-а – *Постовалова В.И.* Мифологема «Царство Божие» как символическая реальность в «духовном космосе» православия (теолингвокультурологические размышления) // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. Вып. 53. М.: МАКС Пресс, 2016-а. С. 294–311.
- Постовалова 2016-б – *Постовалова В.И.* Наука о языке в свете идеала цельного знания. В поисках интегральных парадигм. М.: Ленанд, 2016-б. 272 с.
- Постовалова 2012 – *Постовалова В.И.* Теолингвистика в современном гуманитарном познании: истоки, основные идеи и направления // Magister Dixit. Научно-педагогический журнал Восточной Сибири. 2012. № 4. Декабрь. md.islu.ru/ (дата обращения: 07.07.2016).
- Постовалова 1999 – *Постовалова В.И.* Лингвокультурология в свете антропологической парадигмы (к проблеме основания и границ современной фразеологии) // Фразеология в контексте культуры / Отв. ред. В.Н. Телия. М.: Языки славянской культуры, 1999. С. 25–33.
- Постовалова 1988 – *Постовалова В.И.* Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в

- языке. Язык и картина мира / Отв. ред. Б.А. Серебренников. М.: Наука, 1988. С. 8–69.
- Постовалова 1995 – *Постовалова В.И.* Наука о языке в свете идеала цельного знания // Язык и наука конца XX века. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995. С. 342–420.
- Рикер 1995 – *Рикер П.* Конфликт интерпретаций (Очерки о герменевтике) / Пер. с фр. И.С. Вдовина. М.: Канон-Пресс-Ц: Кучково поле, 1995. 695 с.
- Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Отв. ред.: Б.А. Серебренников. М.: Наука, 1988. 216 с.
- Снитко 1999 – *Снитко Т.Н.* Предельные понятия в западной и восточной лингвокультурах: Дисс. ... д-ра филол. наук. Пятигорск, 1999. 262 с. (www.dissercat.com/content/predelnye-ponyatiya-v-zapadnoi-i-vostochnoi-lingvokulturakh#ixzz4F4o4Bsaf).
- Степин 2009 – *Степин В.С.* Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения // Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб.: Издательский дом «Мирь», 2009. С. 249–295 (iphras.ru/uplfile/root/stepin/klassika,_neklassika,_iostneklassika.pdf).
- Степин ЭР – *Степин В.С.* Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность. filosof.historic.ru/books/item/foo/soo/zo000249/ (дата обращения: 04.02.2017).
- Тарасов 2004 – *Тарасов Е.Ф.* Языковое сознание // Вопросы психолингвистики. 2004. № 2, с. 34–47.
- Тарасов 1993 – *Тарасов Е.Ф.* Введение // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М.: Институт языкознания, 1993. С. 6–15.
- Телия, Дорошенко 2008 – *Телия В.Н., Дорошенко А.В.* Лингвокультурология – ключ к новой реальности феномена воспроизводимости несколькихсловных образований // Язык. Культура. Общение. М.: ИТДГК «Гнозис», 2008. С. 207–216.
- Телия 2006 – *Телия В.Н.* Послесловие. Замысел, цели и задачи фразеологического словаря нового типа // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение.

- Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В.Н. Телия. М.: АСТ ПРЕСС-Книга, 2006. С. 776–782.
- Телия 2005 – *Телия В.Н.* О феномене воспроизводимости языковых выражений // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 30. М., 2005. С. 4–42.
- Телия 2002 – *Телия В.Н.* Объект лингвокультурологии между Сциллой лингвокреативной техники языка и Харибдой культуры (к проблеме частной эпистемологии лингвокультурологии) // С любовью к языку: Сборник научных трудов: Посвящается Е.С. Кубряковой. М.; Воронеж: ИЯ РАН, Воронежский гос. ун-т, 2002. С. 89–97.
- Телия 1999-а – *Телия В.Н.* Основные постулаты лингвокультурологии // Филология и культура: Материалы II междунар. конф. В 3 ч. Ч. 3. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 1999-а. С. 14–15.
- Телия 1999-б – *Телия В.Н.* Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры / Отв. ред. В.Н. Телия. М.: Языки славянской культуры, 1999-б. С. 13–24.
- Телия 1996 – *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с. (bookre.org/reader?file=1346175).
- Телия 1995 – *Телия В.Н.* О методологических основаниях лингвокультурологии // Логика, методология, философия науки. Тезисы докладов. М.; Обнинск: ИФ РАН, 1995. С. 102–104.
- Телия 1991 – *Телия В.Н., Графова Т.А.* и др. Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. Коллективная монография / Институт языкознания. М.: Наука, 1991. 214 с.
- Телия 1988-а – *Телия В.Н.* Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно- оценочная функция // Метафора в языке и тексте / Отв. ред. В.Н. Телия. М.: Наука, 1988-а. С. 26–51.

- Телия 1988-б – *Телия В.Н.* Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. / Отв. ред. Б.А. Серебренников. М.: Наука, 1988-б. С. 173–203 (www.torrentino.com/torrents/975193).
- Телия 1987 – *Телия В.Н.* О специфике отображения мира психики и знания в языке // Сущность, развитие и функции языка. М.: Наука, 1987. С. 67–75.
- Телия 1986 – *Телия В.Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. 143 с.
- Уфимцева 2017 – *Уфимцева Н.В.* Этнопсихолингвистика как раздел теории речевой деятельности // (Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем / Под ред. В.В. Красных. М.: Гнозис, 2017. С. 21–96.
- Уфимцева 2013 – *Уфимцева Н.В.* Системно-целостный принцип и анализ языковой картины мира // Язык, сознание, коммуникация. Сб. статей. М.: МАКС Пресс, 2013. Вып. 46. С. 122–127.
- Уфимцева 2009-а – *Уфимцева Н.В.* Образ мира русских: системность и содержание // Язык и культура. 2009-а, № 4. С. 98–111. (cyberleninka.ru/article/n/obraz-mira-russkih-sistemnost-i-soderzhanie).
- Уфимцева 2009-б – *Уфимцева Н.В.* Проблемы изучения языкового сознания // Вопросы психолингвистики. 2009-б. № 2 (10). С. 22–29.
- Уфимцева 2009-в – *Уфимцева Н.В.* Психолингвистика в XXI веке // Язык и сознание: психолингвистические аспекты: Сб. статей / Под ред. Н.В. Уфимцевой, Т.Н. Ушаковой. М.; Калуга: Эйдос, 2009-в. С. 21–32.
- Уфимцева 2000 – *Уфимцева Н.В.* Языковое сознание и образ мира славян // Языковое сознание и образ мира. М.: Институт языкознания РАН, 2000. С. 207–219 (www.iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book2000/html_204/4-2.html).
Уфимцева Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность. М.; Калуга: Институт языкознания РАН, 2011. 252 с.

(www.twirpx.com/file/1043200/).

Уфимцева 1998 – *Уфимцева Н.В.* Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских // Языковое сознание: формирование и функционирование: Сборник статей / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. М.: Институт языкознания РАН, 1998. С. 135–170 (www.ilingran.ru/library/psylingva/sborniki/Book1998/articles/3_1.htm).

Уфимцева 1996 – *Уфимцева Н.В.* Сопоставительный анализ языкового сознания: этнические и культурные стереотипы // Этнопсихолингвистические аспекты преподавания иностранных языков. М.: ММА им. И.М. Сеченова, Ин-т языкознания РАН, 1996. С. 90–96.

Человеческий фактор... 1992 – Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис / Отв. ред. Т.В. Булыгина. М.: Наука, 1992. 280 с.

Виктория Владимировна Красных, докт. филол. наук, профессор филологический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова.

Victoria Krasnykh, Doctor of Philology, Professor at the Philological Faculty of the Lomonosov Moscow State University.

Аннотация: Современная научная парадигма – новые науки о человеке говорящем

В данной статье рассматривается современная научная парадигма, сложившаяся в России на рубеже XX–XXI веков. Отмечаются ее основные характеристики: интегративность (интегральность) и холистичность, – обусловленные рядом внешних и внутренних причин. Кратко представлены некоторые современные направления и дисциплины, активно развивающиеся в последнее время в российской науке и эффективно изучающие различные аспекты взаимодействия, взаимозависимости и взаимовлияния языка, культуры, лингвокультуры, языкового

сознания, образа мира, коммуникации. В обзоре представлены такие дисциплины, как психолингвистика, этнопсихолингвистика, неопсихолингвистика, лингвокультурология, теолингвокультурология, когнитивная лингвокультурология, психолингвокультурология. Особое внимание уделено психолингвокультурологии как новой научной дисциплине.

Ключевые слова: современная научная парадигма, интегративность, холистичность, психолингвистика, этнопсихолингвистика, неопсихолингвистика, лингвокультурология, теолингвокультурология, когнитивная лингвокультурология, психолингвокультурология.

Résumé : Un paradigme scientifique moderne – de nouvelles disciplines sur l'*Homo Loquens*

L'article analyse un paradigme scientifique moderne qui s'est développé en Russie au tournant des XXe et XXIe siècles. L'auteur observe ses caractéristiques principales, intégrative et holistique, qu'on suppose dues à des facteurs externes et internes. L'article présente brièvement certains domaines et disciplines scientifiques qui se sont activement développées ces dernières années dans la science russe en s'efforçant de rechercher efficacement différents aspects de l'interaction, de l'interdépendance et de l'interpénétration du langage, de la culture, de la linguoculture, de la conscience linguistique, de la vision du monde, et de la communication. L'examen comprend des disciplines telles que la psycholinguistique, l'ethnopsycholinguistique, la néopsycholinguistique, la linguoculturologie, la théolinguoculturologie, la linguoculturologie cognitive, et la psycholinguoculturologie. Une attention particulière est accordée à la psycholinguoculturologie en tant que nouvelle discipline.

Mots clés : paradigme scientifique moderne, caractéristique intégrative et holistique, psycholinguistique, ethnopsycholinguistique, néopsycholinguistique, linguoculturologie, théolinguoculturologie, linguoculturologie cognitive, psycholinguoculturologie.

Abstract: Modern Scientific Paradigm – New Disciplines on *Homo Loquens*

The paper aims at analyzing modern scientific paradigm developed in Russia at the turn of 20–21st centuries. The author observes its main characteristics – integrative and holistic character. These are believed to be presupposed by a range of external and internal factors. The article briefly presents some modern scientific fields and disciplines which actively develop in recent years in the Russian science and efficiently research various aspects of interaction, interdependence and interpenetration of language, culture, linguoculture, linguistic conscience, worldview, communication. The author provides a survey of such disciplines as psycholinguistics, ethnopsycholinguistics, neopsycholinguistics, linguoculturology, theolinguoculturology, cognitive linguoculturology, psycholinguoculturology. The author focuses particularly on psycholinguoculturology as a new discipline.

Key words: modern scientific paradigm, integrative and holistic character, psycholinguistics, ethnopsycholinguistics, neopsycholinguistics, linguoculturology, theolinguoculturology, cognitive linguoculturology, psycholinguoculturology.